

The background of the entire cover is a dramatic, painterly illustration. It depicts a three-masted sailing ship, possibly a galleon, navigating through a turbulent sea with large, dark, churning waves. The sky is a deep, dark blue-black, filled with heavy, swirling clouds. Several bright, jagged lightning bolts are visible, striking down from the clouds. One prominent bolt is on the left side, and another is on the right. The overall mood is one of intense drama and struggle.

Коллекция современной прозы

ЕВГЕНИЙ МИРОНОВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Коллекция современной прозы

Евгений Миронов

Преодоление

«ИП Березина Г.Н.»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Миронов Е. М.

Преодоление / Е. М. Миронов — «ИП Березина Г.Н.»,
2022 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-907564-21-3

Пётр и вся его семья проходят через многочисленные жизненные испытания и попадают в, казалось бы, безвыходные ситуации, когда жизнь героя и членов его семьи оказывается буквально на волоске. Но жизненный семейный стержень помогает герою, его жене и сыну преодолеть многочисленные катаклизмы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907564-21-3

© Миронов Е. М., 2022
© ИП Березина Г.Н., 2022

Содержание

1. Райцентр	7
2. Лесозаготовительный посёлок	19
3. Воспоминания отца	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Миронов

Преодоление

© Евгений Миронов, 2022

© Интернациональный Союз писателей, 2022

* * *

Миронов Евгений Михайлович родился 21 октября 1951 года.

В 1974 году окончил Ленинградскую ордене Ленина лесотехническую академию им С. М. Кирова. Сейчас находится на заслуженном отдыхе.

Является автором книг «Прощайте, Наркотики!», «Командировка», «СКАЗКИ» и других.

Союзом писателей России награждён за прозу медалью «Георгиевская лента», за поэзию – медалью Бунина и звездой «Наследие».

Жизнь наносит тебе удар за ударом. Можно докатиться до такого, что ты не представляешь. Но если ты найдёшь силы подняться и сделать шаг вперёд, если не будешь стоять на месте, то непременно найдёшь свою любовь.

Изабель Гонсалес

1. Райцентр

Пётр Котенко появился на свет в родильном отделении районной больницы большого старинного села Троицко-Печорск – уважаемое светло-голубое одноэтажное деревянное здание, одиноко стоящее недалеко от общественной бани, почитали не только многочисленные сельчане, но и большинство жителей различных окрестных посёлков и деревень.

Семья Петра проживала на двадцать девять километров к югу от райцентра – в небольшом лесозаготовительном посёлке Сосновый Бор.

* * *

В 1674 году в месте слияния реки Северной Мылвы с рекой Печорой был образован населённый пункт из пяти изб с названием погост Печора. Церковь Троицы Живоначальной помогла поселению обрести нынешнее название. Но местные жители в обиходе – для удобства и краткости – применяют слово Троицк. Троицко-Печорский район основан 20 февраля 1931 года. Уроженцем села является Николай Серафимович Бажуков – чемпион Олимпийских игр по лыжным гонкам 1976 и 1980 годов. Также здесь родился художник Энгельс Васильевич Козлов.

Когда-то в этих местах располагались несколько малых деревень, где население существовало почти полностью на самообеспечении: во дворах держали коров, овец, кур; люди сами сеяли и собирали урожай с клочков земли. Местное население, как принято в этих краях, в основном занималось сельским хозяйством и промышляло охотой, рыболовством и собирательством. И таким образом себя как-то прокармливало. Помогали и лесные и водные уголья.

Так жили веками, пока при советской власти не были организованы маленькие колхозы в каждой деревне. Затем волевым усилием все мелкие колхозы объединили в один большой, который оказался очень нерентабельным. Но его сохранили, чтобы обеспечивать молоком детские и медицинские учреждения. Колхоз переименовали в совхоз и поставили на баланс лесозаготовительных предприятий. Убытки совхоза достигали миллиона рублей в год, поэтому в обиходе его именовали «миллионером». Некоторые названия старинных деревень сохранились и поныне – именами деревень называют части села – Затон, Абар, Парма.

Большинство трудящихся в совхозе являлись коренными жителями, и у некоторых имелись странные для нас имена, например, Филарет, Садопий. Вполне возможно, это отголосок старины и староверов. Многие в Троицко-Печорске знали, что на противоположном берегу реки Печоры за громадными непроходимыми болотами существует скит, в котором живут и сами себя кормят истинные православные верующие. Говорят, что вертолёт и самолёт, не единожды облетая ту местность, пытались отыскать следы скита, но безрезультатно. Там, как говаривали, имелось определённое число отшельников, и, если кто-либо из членов скита уходил в мир лучший, его место занимал кто-то новый.

Для этих целей из обители посылали человека в Троицко-Печорск, где новому будущему члену скита предлагали добровольно отправиться служить богу. Обычно кандидатура выбиралась из не связанных узами брака молодых людей. После того как человек давал согласие, он внезапно исчезал из районного центра. Многие знали или предполагали, куда он подевался. Скорее всего, догадывались и сотрудники правоохранительных органов, но человек числился пропавшим без вести.

Кто знал о ските конкретику, тот о святом месте, конечно, никогда никому ничего не рассказывал.

В Троицко-Печорском районе не существовало лагерей для перевоспитания граждан страны, но встречалось большое количество людей, которые отбывали здесь ссылку. Один седобородый дед говорил, что отмотал полученный вскоре после войны четвертак, но ему добавили ссылку сюда. Работали ссыльные на многих предприятиях, в том числе и в совхозе «Приуральский». Так на совхозном складе, находящемся в ста метрах от речки Диньольки, трудились грузчиками двое ссыльных. Им предоставили для житья места в общежитии совхоза в Абаре, но они проживали непосредственно на складе даже в сорокаградусные морозы. Питались они здесь же – варили на плитке посевной овёс – ради экономии. А на все малые, получаемые от совхоза заработанные деньги покупали в местной аптеке одеколон. Так и жили до поры до времени, пока один из них не преставился. Вскрытие показало, что ссыльный умер от голода. На его похороны приехали из Москвы родители – вполне прилично одетые люди. По их виду никак нельзя было сказать, что родной сын может преподнести им такой фортель. Отец держался, смахивая слёзы, а мать рыдала горькими слезами.

* * *

Основными предприятиями в районе являлись и являются лесозаготовительные, обеспечивающие приезжих и местное население работой, продуктами питания и товарами широкого потребления.

Немаловажную роль играли транспортники, что весной по большой воде доставляли много товаров в посёлки, расположенные вдоль реки Печоры, а по автомобильной грунтовой дороге, связывающей Троицко-Печорск с Ухтой, доставляли товары круглогодично, кроме распутицы.

Дороги строились грунтовыми. Состояние их было таким, что лучше всего они показывали себя в зимний период, когда по ним в обе стороны прошли друг за другом два автогрейдера. После этого, вплоть до очередных сильных снежных заносов и завалов, пользоваться дорогой – сплошное удовольствие как для водителей, так и для пассажиров.

В конце весеннего периода движение по грунтовым дорогам для грузового автотранспорта запрещалось местными властями – их закрывали на пару недель на просушку, о чём предварительно сообщали местное радио и районная газета «Заря».

Летней дороги на Сыктывкар, столицу Республики Коми, вообще не существовало из-за огромного количества непреодолимых препятствий в виде рек и болот.

Зимняя дорога на Сыктывкар являлась одноколёйной – бульдозеры с ножами прямого отвала, прибывающие из близлежащих населённых пунктов, периодически прочищали трассу лишь в одну сторону. Поэтому, чтобы разъехаться, встречные водители выбирали подходящее место, и более лёгкий автомобиль на средней скорости врезался в снежный придорожный вал, а более тяжёлый проезжал по уже свободной дороге и останавливался. Тогда крепким металлическим тросом соединяли фаркопы автомашин, и более тяжёлый автомобиль вытаскивал более лёгкого собрата из снежного плена на одноколёйную зимнюю трассу. Разъединив фаркопы и пожелав друг другу доброго пути, незнакомые люди продолжали преодолевать свой малопредсказуемый путь, на котором кое-кому нырять в снежные барьеры иногда приходилось по несколько раз.

Промороженные зимние лесовозные дороги таяли и разрушались от ярких весенних солнечных лучей и от общего повышения температуры воздуха, из-за чего строились или восстанавливались лежнёвки – дороги из брёвен или лафетов (брёвен после удаления двух противоположных горбылей), по которым лесовозы везли медленно и осторожно древесное зелёное золото. Поэтому частично шофёры лесовозов и грузовиков уходили, в том числе и ради собственной безопасности, в отпуск в эти тяжёлые непродуктивные времена и даже уезжали от мест работы – часто с семьями – куда-нибудь подальше: например, отдохнуть по путёвке в

санатории, на туристической базе или провести дальних и ближних родственников в различных краях. Когда путешественники возвращались, им было о чём рассказать соседям, друзьям и товарищам по работе – о морях и горах, о реках и озёрах, о санаторном обслуживании. Ведь тяжёлая физическая нагрузка и работа откладывали отпечаток на здоровье людей, работающих в регионах, приравненных к районам Крайнего Севера.

В бытность Петра Котенко дороги, которые постоянно ремонтировали, стали уже более-менее приличными, хотя выбоины, просадки, ухабы, конечно, были почти повсеместно.

На обочинах встречались автомобили, которым не повезло с дорожным покрытием. Однажды по весне ночные холода дали о себе знать, и случилось, что «Козлик», автомобиль «ГАЗ-69», не дотянул до гаража километров двадцать – что-то случилось с двигателем. И водитель, чтобы не околеть от холода, воспользовался попутной машиной, что довезла его до родного тёплого дома в посёлке. Когда следующим утром приехали отбуксировать машину в гараж, то на обочине дороги нашли только раму от автомобиля, поскольку с автозапчастями проблема стояла огромная.

Старые люди говаривали, что в начале пятидесятых водители порой категорически отказывались ехать за сто восемьдесят вёрст в ближайший город – областной центр Ухту, – мотивируя это тем, что у них дорога вывернет руки, а у автомобиля оторвёт колеса. В подобных случаях руководитель предприятия лично выдавал водителю из рук в руки бутылку водки на дорогу, поскольку без неё осилить долгий, трудный, коварный, непредсказуемый путь оказывалось, как утверждали очевидцы, нереально. Фонарное освещение дорог ночью напрочь отсутствовало, и, если в пути отказывали фары автомобиля, приходилось у бровки дожидаться следующего светового дня – короткого в зимний период.

В районном центре имелось три каменных здания.

Первое – одноэтажная оштукатуренная и окрашенная в белый цвет общественная баня с двумя отделениями, женским и мужским. Она функционировала с пятницы по понедельник с полудня до вечера и, конечно, пользовалась успехом. Примечательно, что на выходе, в буфете, можно было прикупить для детей пачку печенья или вафель и лимонад. Последний продавали по одной бутылке в руки.

Вторым каменным зданием была круглая четырёхэтажная водонапорная башня, сделанная из тёмно-красного кирпича. Она выглядела довольно сурово, по-военному, и была похожа на старинную рыцарскую крепость, готовую отразить нашествие любого противника.

Ну а третье – выполненное по стандартному проекту двухэтажное здание всеильного тогда райкома партии. Выстроенное из белого кирпича, оно взирало на мир громадными по местным меркам окнами.

Двухэтажные здания райисполкома, больницы, школы, гостиницы и многие одноэтажные постройки различных малых и крупных организаций районной инфраструктуры были сделаны из дерева – доступного местного материала – и многие сооружения исправно служили не один десяток лет.

Вдоль главных грунтовых дорог села были проложены на брёвнышках деревянные тротуары из обрезных досок-«пятидесяток», по которым вполне могли разойтись два человека средней упитанности. Если на тротуарах появлялась наледь, соответствующие службы вручную посыпали их мелким речным песком, запасённым предварительно в летний период. Эти тротуары очень помогали в разное время года, особенно в период распутицы, когда без резиновых сапог шагу нельзя было ступить.

Реорганизация по созданию одного крупного совхоза привела к тому, что часть людей осталась без работы, а большой скотный двор, несмотря на ежегодно повышающиеся удои, обеспечивал молоком в основном детские учреждения и больницу. Для обычных жителей в одном из магазинов два раза в неделю после пяти часов вечера продавали молоко из двух или трёх сорокалитровых алюминиевых бидонов. Очередь образовывалась заранее и, если кто

заходил за молоком в момент подвоза бидонов в магазин, приходилось выстаивать в ожидании час, полтора или даже более, потому что кроме молока покупатели брали и иные продукты питания, а опытная продавщица подсчитывала и пересчитывала суммы деревянными костяшками на конторских счётах не торопясь, чтоб не ошибиться.

Иной раз во время такой организованной очереди заходил семенящей походкой (из-за которой про него говорили: «У него ноги не по телу») в магазин грузный Степан Владимирович и просил обычным голосом: «Уважаемые граждане и гражданки, пропустите, пожалуйста, без очереди участника и инвалида войны».

Его короткая седая стрижка и крупные черты лица никак не выдавали его эмоциональность. Степан Владимирович был в райцентре не последним человеком: в битве на Волге он оказался настолько израненным, что больше года провалялся в госпиталях, но какие-то осколки времён войны удаляли из ног уже в мирное время, а какие-то так и остались в его теле. Пока его лечили в госпиталях на серых солдатских простынях, супруга получила на него похоронку из-под Сталинграда. И когда летом 1944 года он, опираясь на палочку, возвратился в своё село инвалидом со свинцом в теле, в райцентре все ахнули, а супруга, заливаясь слезами радости, долго не могла поверить своему неожиданному счастью. Однажды на лесозаготовках тракторист поднатужился, и старый трос трелёвочного трактора лопнул. Этим тросом Степана Владимировича сильно зашибло. Он месяц отлежал в райбольнице на излечении и затем несколько месяцев восстанавливался в домашних условиях, то есть жизненно опасные и болезненные ранения он получал и при мирном существовании.

От очередников магазина никаких возражений не поступало, и Степан Владимирович, незаметно для остальных подмигнув продавщице, передавал ей алюминиевый двухлитровый бидончик и деньги. Получив бидон обратно, он просил продавщицу не суетиться насчёт сдачи, чтобы не задерживать очередь, и говорил, мол, в следующий раз рассчитаемся. В полученном им бидоне находилась бутылка водки «Столичная», подпёртая, чтобы не гремела, заранее положенной в бидон скомканной газетой «Известия».

* * *

Здесь уместно вспомнить о примечательном историческом событии, произошедшем в конце августа 1941 года в селе Троицко-Печорск.

С духами умерших люди общаются издревле, а сейчас мы периодически видим этот процесс на канале ТНТ в передаче «Битва экстрасенсов», а также в иных телепередачах и кинофильмах. То есть общение с потусторонним миром вроде бы является обыденностью для специалистов-эзотериков, служителей культа, шаманов. Экстрасенсорными способностями обладают все люди, их может развить каждый человек и, конечно же, более ярко их проявляют жрецы, предсказатели и ясновидящие, которые, по существу, профессионально занимаются данными магическими деяниями. Имеется в эзотерике и направление под названием «спиритизм», адепты которого вызывают души ушедших в мир лучший для получения от них той или иной информации. Если же мы вспомним греческого полубога Геракла, то сей доблестный воин, согласно древнегреческой мифологии, лично побывал в мире мёртвых при совершении своего двенадцатого подвига. В мифическом царстве Аида Геракл победил и привёл на поверхность Земли охранника подземного мира мёртвых – страшного трёхглавого пса Цербера.

Три молодые женщины-солдатки Троицко-Печорска, мужья которых в первые же дни войны ушли добровольцами на фронт защищать страну, решили узнать всего лишь истину: когда же закончится жестокая кровопролитная война и прекратится уже долгая разлука их с любимыми мобилизованными мужьями. То, что победят brave наши бойцы, никто в те тяжёлые летние дни 1941 года не сомневался.

Родное Совинформбюро регулярно передавало, что в ожесточённых боях с превосходящими силами противника наши войска наносят значительный урон гитлеровцам в живой силе и технике. Но почему-то сражались всё на нашей территории, хотя у всех жителей страны тогда были в памяти заветные слова: «Ни пяди нам чужой земли не надо, но и своей не отдадим!» Все верили в хорошую оснащённость, подготовленность и непобедимость Красной Армии.

Женщины собрались на квартире обладательницы аналитического склада ума – Ирины Сергеевны, супруги Степана Владимировича – поздним вечером, в полнолуние. Предварительно они подробно узнали у старых опытных людей, хорошо понимающих в таком деле толк, как надёжно и без проблем вызывали в прежние времена духов и как с ними продуктивно общались.

Не мудрствуя лукаво они решили попытаться вызвать дух Александра Сергеевича Пушкина. Это им удалось с первой попытки, и они использовали для переговоров с духом предложенную и рекомендованную им систему знаков: одиночный стук должен обозначать «да», а два быстрых стука подряд – «нет».

Ирина Сергеевна, супруга Владимира Степановича, томимая жаждой получить ответ на самый главный вопрос, сразу же его задала. Ответ озадачил и ошеломил новоявленных спиритисток.

Этот же самый вопрос в напряжении задала другая женщина с оренбургским пуховым платком на плечах с надеждой получить более приемлемый и достойный ответ.

К их общему удивлению, ответ совпал с первым.

В конце концов, данный наболевший и неподъёмный вопрос уже совершенно неуверенно, поёживаясь и хмыкая простудой, повторила одетая в толстый, ручной вязки серый свитер женщина-спиритистка с шерстяным шарфом на тонкой шее.

И она услышала тот же ответ – 9 мая 1945 года.

Женщины искренне поблагодарили духа Александра Сергеевича, как полагалось завершили свой спиритический сеанс, вышли на свежий воздух и, разглядывая в замёрзших лужах отражение далёкой, полной и молчаливой жёлтой луны, простились на улице и разошлись по домам с неким непониманием предсказанной ситуации и огромной тяжестью в чувствительных сердцах.

Через день к Ирине Сергеевне, первой задавшей на ночном спиритическом сеансе вопрос, в контору Троицко-Печорского лесхоза, где она работала специалистом-лесохозяйственным, пришёл уверенный в себе участковый милиционер: в тёмно-синей форме, кожаной чёрной портупее, с офицерским ремнём и в фуражке; старшина по званию.

Он доверительно и чётко объяснил Ирине Сергеевне тет-а-тет:

– Наше село маленькое. И если что-то здесь знают двое, то об этом известно поголовно всем. Поскольку мы с твоим мужем, Степаном Владимировичем, многократно пили горькую во славу нашей великой и могучей страны, а также за Красную армию, на первый раз сделаю для вас троих исключение – поблажку. Но если ещё от кого-нибудь хоть раз услышу, что через вас проходит антисоветская пропаганда, антисоветская агитация, сдам всех вас, куда следует, и поедете в товарном вагоне на Колыму сучки рубить, а оттуда назад вряд ли вернётесь. Тебе все понятно?

– Да, – тихо, с горьким комком в горле промолвила перепуганная насмерть женщина.

– И своим закадычным подругам-трепушкам безотлагательно, непременно, немедленно и однозначно передай: пусть в срочном порядке закончат лживую трепотню с антисоветской и фашистской пропагандой! – потребовал старшина.

– Хорошо, я незамедлительно всё сделаю, как вы сказали, – пообещала ошарашенная женщина, у которой по спине забегали мурашки. Она совершенно ясно представила себе нахождение на далёкой Колыме, до которой надо было ещё доехать в холодном товарном вагоне.

Время стояло суровое, мрачное, страшное. Все жители села Троицко-Печорск, как и все жители страны, однозначно ждали быстрой победы Красной армии над фашистским зверем.

Троица новоявленных спиритисток собралась этим же хмурым вечером, и каждая клятвенно дала слово остальным: никому, никогда, ни при каких обстоятельствах не говорить о странных и непонятных результатах их спиритического сеанса, а если кто спросит, то обязательно уверять, что все это не правда, а чьи-то недалёкие домыслы. Ведь иначе им грозила страшная смерть. И, естественно, они условились, что больше никогда не станут прибегать к любому гаданию на любую тему.

Милицейский старшина в конце 1944 года ушёл на фронт по личному рапорту, коих отдал начальству немало, и с войны в село не вернулся.

Ликуя и празднуя вместе со всеми долгожданный День Победы – 9 мая – в 1945 году, трое женщин-спиритисток стойко продолжали держать язык за зубами о своих роковых и правдивых эзотерических познаниях.

Только в 70-х годах спиритистки робко решились признаться своим близким и на всю ивановскую не афишировали о том, что довлело тяжёлым грузом над ними десятилетиями, что в их жизни произошло в зубодробительный, беспощадный сатанинский период.

* * *

Главное снабжение села осуществлялось по грунтовой дороге протяжённостью 180 километров из ближайшего города, через который проходила железная дорога. Когда грузовик вёз по ухабам ящики со спиртным, было не избежать боя бутылок – две штуки на ящик. Никто, конечно, не возил таким путём бутылки с пивом не только из-за их хрупкости, но и из-за того, что всегда имелось великое множество продуктов питания, промтоваров, оборудования, запчастей, какие требовалось доставить поскорее в село.

Другим не менее значимым путём снабжения являлась река. После того как лёд, сковывавший реку всю зиму, уносился вниз по течению, тающий снег лесов и Уральских гор поднимал уровень великой судоходной реки Печоры на несколько метров. Бассейн реки с востока ограничивался Уральскими горами. Однажды из-за весеннего паводка уровень воды у села поднялся выше шести метров. Оказались подтопленными некоторые дома в районе, а также сельхозугодья, был нанесен серьёзный ущерб. Именно в это время крупнотоннажные самоходные баржи и суда приходили со стороны севера из города Печора, через который проходила железнодорожная магистраль. Частично суда и баржи спешно разгружались в Троицко-Печорске и шли дальше в верховье реки, в малые посёлки и деревеньки, до которых в летнюю межень и на моторной лодке тяжело оказывалось проходить перекаты – сбивались шпонки, ломались дефицитные гребные винты. Судам требовалось спуститься вниз по реке до понижения уровня воды, который образовывался благодаря весеннему паводку.

Речной транспорт привозил то, в чём нуждалось население: и трикотаж, и промтовары, и продукты питания, и бытовую технику, канцелярские товары, топливо и масла для деревенских дизельных электростанций, сельскохозяйственные товары и оборудование и многое другое, в чём имелся крайний дефицит по всему району. Суда, что приходили по весеннему паводку к отдалённым деревням, местное население ждало как манну небесную. Можно вспомнить, что электричество провели в районный центр – Троицко-Печорск – лишь в 1946 году. Суда доходили до деревень Пачгино и Волосница, до сёл Курья и Усть-Унья и даже при благоприятной ситуации поднимались вверх по Унье до расположенной на её правом берегу деревни Бёрдыш, где прямо на поверхности лежала и лежит поныне железная руда, а также маховики и другие части громадных машин, которые работали здесь на предприятии в царский период. Все эти деревни и сёла населены были исконно русским людьми, предки которых жили и трудились

здесь с незапамятных времён. Электрические лампочки в этих населённых пунктах зажигаются малыми дизельными электростанциями.

Каждую весну судно, зафрахтованное райпотребсоюзом – РАЙПО – привозило в районный центр пару дюжин бочек пива. Часть пива продавали прямо на берегу в маленьком ларьке, а часть – в прибрежной столовой, которую некоторые жители прозвали «Голубой Дунай» за её традиционную окраску. Нельзя сказать, что село изобиловало знатоками пенного изделия. Многие пили привезённое по реке пиво изрядно, чуть не взахлёб, понимая, что подобный праздник произойдёт лишь через год в очередной весенний паводок, если не помешают неожиданные обстоятельства.

Этой порой в «Голубом Дунае» и на берегу реки часто слышался агитационный призыв поэта Владимира Владимировича Маяковского, утверждавшего, что пиво полезно и на вид красиво. Почти все верили этому лозунгу, конечно же, не зная, что любое пивное изделие наполнено канцерогенами, каковые образуются при высокотемпературном технологическом производственном процессе и каковые повышают вероятность развития раковых заболеваний. И если молодой здоровый организм уверенно противостоит канцерогенам, то для лиц пожилого возраста даже малое употребление зелья чревато серьёзными предсказуемыми последствиями.

Сама прекрасная половина человечества и районного центра с некоторой долей снисхождения и понимания относилась к данной ежегодной мужской забаве и насмешливо повторяла при удобном случае: «Пузо есть – ума не надо».

Когда у ларька выстраивалась очередь за редким напитком, последние жаждущие насладиться пивом нередко в шуточной форме высказывались: «Надо, чтобы пиво продавали только членам профсоюза!»

Обитое вагонкой и окрашенное в голубой цвет здание прибрежной столовой в эти дни становилось всеми признанным центром грандиозных спортивных состязаний. Многие жители района в поединках выясняли меж собой и для публики, кто, не вставая из-за стола, продержится дольше при одинаковом количестве употреблённой бочковой жидкости.

В основном призы были однообразные: одни спорили на кружку пива, другие – на бутылку водки. Имелись и те любители спорта, кто делал ставки на того или иного «борца». В тот год на пятый день пивного фестиваля выявился лидер состязаний, который раз за разом подтверждал свое превосходство новыми достижениями. Им оказался мужчина крупного телосложения, с вечно загорелым красивым и улыбчивым лицом; физически крепкий, азартный закарпатский украинец, который приехал на Печору подзаработать на лесосплаве три года назад по весне и «бросил здесь якорь» – остался в районном центре жить-поживать.

Степан Владимирович вообще не любил споров, соревнований, соперничества и каждый раз отнекивался, когда его приглашали сразиться на ежегодном престижном турнире. Он обычно завтракал, обедал, ужинал в домашней обстановке и ценил кулинарные изыски своей любимой супруги Ирины Сергеевны. Но иногда из-за нехватки времени ему вынужденно всё же приходилось обедать вне своей квартиры, в том числе в столовой, и он в таких случаях обычно приговаривал с радушной и зажигательной улыбкой: «Брюхо добра не помнит».

Из первой открытой пивной бочки он в тот год сразу выпил три полулитровых кружки, из-за чего тогда многие любители пива предположили между собой, что он является заядлым потребителем пенной жидкости. На шестой день пивного праздника в столовой ему громко и публично сообщили радостное для любителей понаблюдать со стороны за чемпионатом известие:

– Гуцул вызывает вас на поединок по пиву здесь, в «Голубом Дунае».

– Одолей его, Владимир Степанович! Все просим: одолей зазнавшегося гуцула. Покажи, на что мы способны, – слышались ободряющие вскрикивания со стороны болельщиков.

На этот раз ему не удалось отвертеться из-за многочисленных громогласных и тихих, одобряющих и язвительных фраз. И он на потребу подбадривающей публике нехотя, со скрипом согласился:

– Знаете, дорогие друзья, я только что с берега, поэтому попрошу: давайте уточним правила дуэли, чтобы в дальнейшем не было никому обидно.

Ухмыляясь, тридцатилетний, пышущий здоровьем, приземистый, даже грузный, чернявый и кудрявый закарпатец, уверенный в своей победе, на весь зал столовой выпалил заученной скороговоркой:

– Кто первый встанет из-за стола по нужде, тот проиграл!

– Ладно, согласен, кто первый встанет из-за стола по нужде, тот и проиграл, – фронтовик в знак согласия кивнул крупной короткостриженной седой головой. – А на что мы с тобой спорим?

– На бутылку водки, – просиял непобедимый закарпатец.

Выдержав многозначительную паузу, притом глядя вниз, на высокие ботфорты, сделанные из чёрной резины, Степан Владимирович медленно произнёс:

– А может быть, мы с тобой, Гуцул Иваныч, как взрослые, много выдавшие мужики сможем осуществить этот исторический поединок на что-нибудь посущественнее?

– Давай на две или на три бутылки водки, – оживился украинец, сверкая антрацитовыми глазами, и от предвкушения победы у него заходили челюсти, желваки и чёрные усы; он судорожно облизнул крупные розовые губы.

Степан Владимирович вновь выдержал длинную паузу, словно заправский актёр с многолетним стажем, и, продолжая смотреть в пол и на ботфорты, как бы размышляя, вновь медленно и с расстановкой спросил раззадоренного соперника:

– А почему бы нам с тобой, уважаемый Гуцул Иваныч, не поспорить на целый непочатый ящик водки?

Украинец чуть опешил от такого значительного, небывалого, крупнокалиберного предложения, но вскоре кое-как пришёл в себя, а высокий ореол славы неоднократного пивного чемпиона посёлка и окрестностей сделал свое дело, и он с гордо поднятой головой согласился.

Один из столов на четырёх стальных чёрных ногах срочно освободили. Пластиковую бежевую поверхность, окаймлённую дюралевой рифлёной лентой, дополнительно протёрли белым кухонным вафельным полотенцем. Каждому участнику поединка выдали по стулу из дюралевок с жёлтыми фанерками на спинке и сиденье.

Оба оказались одетыми в рабочие костюмы. Только у гуцула синий костюм сплавщика леса выглядел чуть выцветшим и потёртым, а на Владимире Степановиче как влитой сидел почти новый зелёный костюм, какие выдавали лесорубам. Когда они сели за стол друг против друга, могло показаться, что между ними не хватает шахматной доски с фигурами и шахматных часов, как на приличном спортивном турнире. Однако вместо игровых фигур стол украсили мелкие фаянсовые тарелочки со свежей зеленью, с копчёной, солёной, сушёной рыбой и с ароматным плавленым сырком «Дружба». По мере того как соревнующимся подносили по очередной кружке пива, столовая наполнялась зрителями, которые внимательно наблюдали за «гладиаторами», как в Колизее. Никто в столовой уже не обедал, никто не сидел – все стояли. Даже повара и столовые работники в белых передниках и колпаках с азартом лицезрели происходящее небывалое событие всерайонного масштаба. Кто-то делал ставки на одного, кто-то вдохновенно болел за другого «спортсмена». Громко никто не разговаривал, но и полная тишина отсутствовала – собравшиеся вполголоса или шёпотом делились впечатлениями и предвидением грандиозного финала пивного фестиваля.

Сторонник Степана Владимировича, подняв мохнатые брови и округлив глаза, предвещал желаемый исход громким шёпотом:

– Вот-вот фанерка на стуле треснет под гуцулом, и тот свалится на пол вместе со своей пивной кружкой.

Поставивший на украинца азартный игрок так же шёпотом отвечал:

– Ничего страшного, наш Гуцул Иваныч на трубках из дюрала запросто просидит до своей полной победы.

Начальные пять кружек пенного изделия прошли степенно, без проволочек, без особых задержек – как по маслу. Чуть помедленнее соревнующиеся довели счёт до десяти бокалов хмельного. К удивлению большинства, закарпатец не выдержал объёма и высокого темпа соревнования, зачинателем которого сам он и был. С перекошенным лицом он встал из-за стола первым и, не допив тринадцатую гранёную пол-литровую кружку, кинулся в туалет освободить мочевой пузырь.

Возвратясь после осуществления неотложного мероприятия, удручённый и раздосадованный неожиданным проигрышем, закарпатец без слов заплатил буфетчице столовой за ящик водки. Степан Владимирович попросил знакомого шофёра отвезти выигрыш в контору лес-промхоза. Закусив поплотнее чем бог послал и прерывая многочисленные хвалебные поздравления, Степан Владимирович тяжело встал из-за бежевого стола, со спокойным видом вышел на крыльцо «Голубого Дуная», снял чёрные резиновые бродни и вылил из них накопленную ненужную неприятного аромата влагу.

– Так нечестно, – закипятился гуцул. Он натурально обиделся и разозлился за этот непредвиденный и удивительный для него проигрыш, ведь в прошлом он одержал множество сокрушительных побед.

– Дуэль прошла согласно всем договорённостям, – совершенно спокойно парировал Степан Владимирович, и почти все присутствовавшие его полностью поддержали, утверждая:

– Уговор дороже денег!

Некоторые наблюдатели финального поединка от души смеялись, а были и те, кто ржали как лошади. Многие хихикали, заулыбался в конце концов и закарпатец.

Глубоко вздохнув широкой грудью, Степан Владимирович тихо, с полной откровенной серьёзностью произнёс:

– Эх, ребята, на фронте и похлеще случалось.

* * *

В райбольнице главным хирургом работал тоже бывший участник войны, служивший в прифронтовом госпитале. Не то чтобы у него охота была любимым хобби, но в разрешённый период он отмечался в лесу со своей старой тульской двустволочкой, доставшейся в наследство от отца.

По осени в выходной день – день открытия охоты – он со своим мечтательным приятелем Василием отправился на «жигулях» в знакомый лес, дабы набрать ся впечатлений. С синего безоблачного небосвода с утра ярко светило солнце, ветерок чуть шелестел на верхушках деревьев. Охотники разошлись в разные стороны, чтобы встретиться в условленном месте на старой вырубке. Через полчаса гуляния по хорошо знакомому лесу хирург заметил некое движение в кронах деревьев. Он не понял, тетерев это или глухарь, но ближе подойти не решился из-за боязни спугнуть желанную добычу. Прицелившись сквозь многочисленные ветви, он нажал на спусковой крючок. После выстрела в ответ он услышал стон и отборную ругань, произносимую знакомым голосом. Он подбежал к дереву, на котором, как он полагал, копошилась крупная птица, и увидел, что внизу, на сучке, висят двустволка Василия и патронташ. Дерево оказалось многолетним кедром.

– Что же ты наделал, скальпелево отродье? – сверху с болезненным стоном спросил подраненный Василий. – Что такое творится в твоей продырявленной медицинской бестолковке?

– Извини, друг, но издали мне показалось, что я видел глухаря. На кой ты полез на вершотуру?

– Так здесь же полно кедровых шишек, я уже скинул десятка полтора.

– Я и думал, что там птица шумит.

– Ты, чёртов охотник, не по птице, а по мне палил.

– Прости грешного, Вася, не доразобрался. Ты слезай побыстрей.

– Хорошо сказать, ведь любое движение причиняет боль.

– Собери, Вася, все силы в кулак и слезай – не жить же тебе там, на вершине, вечно.

– Попробую.

– Другого пути нет, – констатировал авторитетно хирург.

Со стонами, руганью и причитаниями Василий начал болезненный спуск с раскидистой вершины могучего кедра. До земли подраненный охотник добрался минут через пятнадцать, поскольку временами пережидал, пока уляжется боль от очередного движения. Когда Василий спустился на мох, хирург подхватил его на спину и понёс из леса к машине. У машины он разложил спинку переднего сидения, положил Василия на живот и на малой скорости, чтобы поменьше трясти раненого товарища, объезжая рытвины, ямы и ухабы, поехал в посёлок. У одного из первых домов он остановился, зашёл к знакомому и попросил позвонить в больницу, чтобы срочно готовили операционную и немедленно вызвали на работу в выходной день двух медицинских хирургических сестричек.

«Жигули» подъехали к крыльцу больницы, а у входа уже ожидали медработники. Аккуратно переложив Василия на носилки, его быстро доставили на операционный стол. Пока хирург снимал охотничье снаряжение и надевал белый халат и перчатки, а также дезинфицировал руки, прибежали хирургические сёстры и тоже стали готовиться к операции, которая продлилась более трёх часов. Из тела Василия достали много дробин, так как заряд пошёл кучно. Операция прошла успешно. Года два Василий не разговаривал с хирургом вообще, тот после этого случая повесил двустволку на стену и больше никогда не снимал – окончательно завязал с этим увлечением. В посёлке и окрестностях после этой неприятной истории заботливые женщины отправляли мужей на охоту в период созревания кедровых орехов со словами:

– Не стреляй вверх, вдруг попадёшь в кого-нибудь.

* * *

В райцентре, недалеко от конторы совхоза «Приуральский» – совхоза-«миллионера» – в небольшом недавно построенном деревянном одноэтажном здании располагалась государственная ветеринарная лечебница. Руководил ею тридцатилетний красноречивый молодой человек крепкого спортивного телосложения и с короткой стрижкой. Даже в коровник он ходил элегантно одетым. Однажды он, проверяя свои рыболовные сети, обнаружил запутавшуюся в них ондатру. Та не подавала ни малейших признаков жизни, и районный ветеринарный врач попытался освободить её из сетей. Внезапно она показала, что жива-живёхонька, и укусила ветврача за руку. Тот капнул йодом на ранки, залепил их пластырем; он мало обратил внимание на укус и продолжил рыболовные мероприятия. Когда на следующее утро он проснулся от боли в руке, то спохватился: ранки переросли в большой волдырь, и опухоль разрасталась. Известные ему медикаменты должной помощи не оказали. По посёлку пошёл даже слух, что речь идёт о заражении крови и придётся в лучшем случае ампутировать кисть руки ветеринара. К счастью, местный знахарь с помощью каких-то сборов и отваров возвратил руку ветврача в нормальное состояние, а его самого к трудовой деятельности на общее благо. Местные рыбаки ондатр из сетей не выпутывали просто так, поскольку знали от предков, что на зубах ондатры имеются какие-то ядовитые то ли вещества, то ли микробы.

* * *

Достопримечательностью посёлка являлся дед Ильюха с практическим складом ума. Он по стажу и по годам вышел на пенсию, которую оставлял в основном в районной аптеке. Но тратил оную не на лекарства, а на одеколон. Однажды летним погожим утром он встретил человека, который купил автобусный билет до Ухты. Но до отхода автобуса имелось ещё три часа с лишним, и неуверенный в себе встречный не знал, чем заняться в свободное время. Дед Ильюха спросил:

– Много ли мелочи осталось?

Встречный вынул горсть мелочи из кармана серого плаща.

– Нам хватит, – посчитал дед Ильюха. – Подожди меня здесь.

Дед вернулся довольный и сообщил:

– Купил два пузырька.

– Где?

– В аптеке.

– Это безопасно?

– Естественно.

– А где употребим?

– Так на берегу Диньёльки – это маленькая речушка, почти ручей – впадает в Печору.

– Ну пошли, коли так.

На берегу речки дед Ильюха достал два флакона одеколона. Только тут проезжий мужчина начал понимать, во что вляпался, но всё-таки спросил:

– И чем будем закусывать?

– Рыбкой аркой.

– А что это такое?

– Увидишь.

Дед Ильюха подобрал на берегу ручья старую дырявую кастрюлю, выкинутую из обихода несколько лет назад. Он кинул в неё горсть земли и поставил в воду рядом с берегом. Через полминуты он вынул кастрюлю из ручья, слил воду, а на дне остались трепыхаться маленькие рыбёшки сантиметров шесть длиной.

– Вот это и есть арка.

– Красивая рыбка.

– Сейчас поймалось шесть штук – три тебе и три мне.

– И как мы будем закусывать?

– Некоторые едят с головой, но у меня годы уже не те, поэтому я голову откусываю, выплёвываю, а закусываю только самой рыбой.

Приезжий сказал:

– Что-то мне это не совсем нравится.

– Попробуешь – поймёшь вкус жизни.

– Мне как-то расхотелось выпивать тройной одеколон с такой живой закуской.

– Ты отказываешься со мной пить?

– Категорически.

– Да ты знаешь, кто со мной здесь, на этом самом месте, пил «тройной» и закусывал вкусной аркой?

– Кто же?

– Здесь, вот на этом самом неказистом бугорке, со мной пил и Герой Советского Союза, и враг народа.

– Я допускаю, героев у нас много.

– С настоящим Героем Социалистического труда! Так он за милую душу употреблял арку! И ещё причмокивал.

– Это понятно.

– Так в чем же дело? Прикладывайся к свежатине и вкуснятине. В каком ресторане найдёшь ещё такой сервис?

– Мне понятно, что вы здесь сидели с героем. А как получилось, что с врагом народа?

– Да точно так же: хлебнули по фунфырю тройного одеколona и закусили первоклассной аркой.

– Видишь ли, нас в школе учили, что со всеми врагами народа в нашей стране окончательно покончено в 1937 году. Откуда у тебя тут вот мог появиться враг народа?

– Так бродил здесь по селу.

– Не понимаю, как тебя с врагом-то угораздило выпить?

– Как обычно. Выпили мы с разговорчивым прилично одетым мужиком по фунфырю, закусили свеженькой аркой и только собрались расходиться по своим делам, как сюда, на берег Диньёльки, нагрянули чекисты и взяли того, с кем я только что пил тройной одеколон, под белые рученьки. Оказался тот бывшим власовцем – врагом народа.

– Это чекисты рассказали?

– Да. Говорят, он, сукин сын, во время войны в вазовской форме из чёрного немецкого автомата стрелял и по гражданским, и по бойцам нашим. Нашлись свидетели его злодеяний.

– И много здесь таких?

– Кто же их знает? Периодически у нас по району отлавливают нацистских пособников, которые сюда приехали прятаться и из Белоруссии, и из Украины, и из разных российских благословенных мест.

– Ты, дед, извини, но я всё равно не буду есть полуживую рыбу.

– Ну и напрасно, – ответил дед Ильюха. – погоди, я своё выпью, закушу, тогда и пойдём вместе – провожу я тебя.

2. Лесозаготовительный посёлок

Отец и мать Петра Котенко – Михаил Богданович и Анна Кузьминична – приехали в посёлок из Псковской области, спасаясь от многолетней послевоенной голодухи и почти бесполезного изнурительного труда. Они завербовались, получили деньги за проезд до места жительства, получили подъёмные, ведомственное жильё от лесозаготовительного предприятия и, как многие другие приезжающие сюда, тоже первоначально предполагали, что заработают денег за несколько лет и уедут в иные, более цивилизованные и более тёплые места, но жизнь в местности, приравненной к районам Крайнего Севера, и их накрепко засосала.

В письмах знакомые скобари сетовали, что сами не знают и не понимают, как выживают.

Наверное, излагали они в письмах, Всевышний проверяет их на стойкость и не даёт умереть, а мучаются они за грехи свои и за грехи пращуров. Поэтому долго им придётся отмаливать и отрабатывать прегрешения свои и чужие.

Размышляя над полученными весточками, родители Петра сделали далеко идущие выводы о своём житье-бытье. Они осели здесь, в данном лесозаготовительном поселении, которое с 1956 года приобрело статус посёлка, и не стремились в ближайшей перспективе уезжать с насиженного места. В псковскую деревню, откуда они приехали завербованными на лесозаготовки, родители опасались возвращаться по той простой и многозначительной причине, что имелась очень большая вероятность, что местные власти запросто смогут отобрать у них полученные законным образом государственные паспорта и заставят трудиться в захудалом совхозе, который сам себя оказывался не в силах прокормить.

Из райцентра попадали в лесозаготовительный посёлок исключительно по грунтовой дороге, причём по пути следовало преодолеть реку Мылву по двадцатиметровому деревянному мосту, который находился в трёх километрах от райцентра. Грузовые автомобили, лесовозы и тракторы преодолевали реку только в зимнее время по ледяной и специально заливаемой переправе рядом с мостом. Легковые автомобили и автобусы по мосту ехали только поодиночке, а в весеннюю распутицу из-за льда, сносимого паводком, и из-за плывущих отдельных полузатопленных брёвен водители автобусов обязывались высаживать пассажиров, чтобы те для безопасности пешком переходили старенький проблемный деревянный мост, после чего терпеливо продолжали поездку в автобусе.

Даже в первые послевоенные годы по реке Мылве, как и по Печоре, сплавляли лес в период весеннего паводка и модем, и небольшими плотами, которые могли разрушить опоры моста. Поэтому мост построили только после прекращения сплава древесины, хотя отдельные утерянны брёвна всё-таки доставляли мосту неприятности. Районная дорожная служба регулярно, особенно в период паводка, оценивала состояние моста и иногда укрепляла сваи и подновляла настил. Её сотрудники баграми или вытаскивали брёвна на сушу, или проталкивали между сваями моста, чтобы они, не повредив его, плыли дальше вниз по течению, где порой их при возможности и необходимости перехватывало местное население для собственных насущных нужд: например, когда имелась необходимость подновить нижний венец сруба избы или построить баньку. Да и дрова играли немаловажную роль в жизни и приезжих, и коренных жителей региона. Дрова согревали в длительную холодную пору и помогали в приготовлении пищи.

Рейсовый автобус ходил из автотранспортного предприятия райцентра в посёлок два раза в сутки – утром и после обеда. Первоначально имелся и третий вечерний рейс, но после двух аварий, когда однажды полетело сцепление, а в другой раз отказали тормоза, посылать автобус вечером больше не решались – как бы чего не вышло с пассажирами. В зимнее время, сразу после прочистки грейдерами дороги, автобусники устанавливали рекорды – на рейс уходило

даже чуть меньше сорока минут. Самый долгий путь проходил в распутицу и занимал час и более.

Жилая часть посёлка в основном представляла собой единственную улицу, на которой по обе стороны располагались одноэтажные типовые деревянные четырёхквартирные щитовые дома. Каждая квартира имела две комнаты, кухню и свой отдельный вход. Если семья оказывалась многодетной или большой по иным причинам, ей выделяли две смежные квартиры. Проблемы с жильём внутри посёлка в основном отсутствовали, потому что при необходимости типовой щитовой дом могли возвести достаточно быстро, что иногда проделывали в летний период.

У каждой семьи имелся маленький огороδικ между калиткой и крыльцом на пару грядок, на коем пытались выращивать насущную зелень: лук, чеснок, укроп, петрушку, сельдерей или что-либо подобное. Здесь же пробовали сажать морковь и свёклу. С картошкой проблемы почти отсутствовали, особенно осенью, когда на ближайших совхозных полях убирали урожай с помощью картофелекопалки, школьников да сотрудников различных предприятий райцентра. Кое-кто из старожилов-садоводов высаживал у забора выкопанные в лесу кусты дикой красной смородины и дикой малины, ягодами которых часто питались местные птицы. Огородники и садоводы завсегда делились друг с другом семенами и сведениями о лучших днях посадки огородных культур по приметам или по лунному календарю. На перекрёстке домовладений на летнее время устанавливали совместное надёжное пугало для спасения плодов огородных трудов от пернатых товарищей.

В данном посёлке проживали исключительно люди, что работали в лесопункте по заготовке древесины, или люди, занятые обслуживанием лесозаготовителей. Поэтому лесопункт вполне заслуженно можно назвать «посёлкообразующим предприятием».

Население составляли взрослые работники и дети детсадовского или школьного возраста. Молодёжь постарше обычно уезжала учиться в техникумы. Мало кто имел желание возвращаться после учёбы в лесозаготовительный посёлок, каковой представлялся им уже Тмутараканью. Ребята, ушедшие на срочную службу в армию, чтобы отдать свой священный долг, часто там находили для себя более комфортные и респектабельные места для продолжения жизни, тем более семейной.

Так старший брат Петра – Олег – обладал даром красного словца, рос парнем нехилым. Отец смастерил ему у крыльца дома настоящий турник, на котором тот любил отжиматься и вертеться; даже зимой по утрам – перед отправкой в школу – подтягивался раз по двадцать. Можно даже сказать, что он был атлетом местного значения. Олег, отслужив срочную в Тамбовской области, остался на сверхсрочной службе сержантом, в том числе потому, что встретил и полюбил свою единственную и ненаглядную девушку-прапорщика, которая за месяц до окончания его срочной службы родила ему прекрасного сына. Руководство воинской части возложило на Олега интендантские обязанности прапорщика на период её декретного отпуска. Позже у молодых появились ещё две девочки-двойняшки, а семья стала многодетной. Олег также через какое-то время стал прапорщиком. Молодая счастливая пара, одетая, обутая и накормленная за казённый счёт, все свободное время уделяла своим счастливым детям.

Молодёжь появлялась в лесозаготовительном посёлке в основном со стороны приезжих, завербованных и ссыльных; из тех, кто хотел подзаработать, или из тех, кто хотел уйти от того общества и уклада жизни, где данный человек трудился дотеле.

Пенсионеров в таёжном посёлке не наблюдалось, поскольку не все доживали до пенсионного возраста из-за сурового климата, недостаточного снабжения продуктами питания и недостаточной медицинской помощи; ведь даже если доктор прописал какое-либо снадобье или таблетки, то необходимое далеко не всегда отыскивали в аптеке райцентра или в райбольнице. А те, кто доживал до предпенсионного возраста, старались уехать в центральную полосу страны, например, в Рязанскую область или в Поволжье.

При этом не только в данном далёком лесозаготовительном посёлке, но и в других подобных местах ходило устойчивое поверье, что случалось как-то прежде, что пенсионеры из наших мест приобретали жильё недалеко от черноморского побережья или на Кавказе, например, в Пятигорске, но смогли там прожить лишь около года, а потом умирали чаще всего от кардиологических проблем – от инфаркта или от инсульта. Возможно, действовала резкая смена географической широты, климата или обилие солнечного света, или переизбыток в свежих продуктах питания витаминов, или избыток комфорта, или ещё какие-то факторы, но таким плачевным примерам имелись многие истинные подтверждения.

Для привлечения на работу людей государством здесь установлен надбавочный коэффициент на получаемую зарплату – 30 %. Кроме того, в течение пяти лет работы ежегодно добавлялся коэффициент 10 %. В итоге через пять лет работы человек в дальнейшем получал 80 % надбавки к своей заработной плате. Имелись многочисленные случаи, когда люди собирались проработать здесь всего лишь года три, но надбавочный коэффициент засасывал их, и они оставались трудиться надолго. Правда, частично коэффициент гасился более высокими ценами на продукты питания и товары широкого потребления, а также на различные услуги. Так как объектов траты денег особо не наблюдалось, спускать честно заработанное оказывалось не на что. Почти все работники лесопункта примерно половину зарплаты по собственному заявлению переводили в сберегательную кассу автоматически из бухгалтерии лесозаготовительного предприятия.

Месяц март являлся и является ударным временем для лесозаготовителей – зимние наезженные дороги еще прочны, а морозы лютуют лишь ночами. И с бензопилой по насту до ствола дерева добираться гораздо удобнее, чем по пояс в рыхлом снегу.

В тот год лесозаготовители решили продлить ударный месяц тем, что вывозить древесину с нижнего склада принялись ночами по твёрдым подмороженным дорогам, не разбивая их и не устраивая глубокую колею.

И вот уже близился конец апреля, а лесовозы, пыхтя и урча, всё ещё бороздили фарами ночное пространство тайги.

Стояла весна. Радостное солнце уже вторую неделю отжигало с безоблачного лазурного небосвода. Пожухлый снег ещё лежал на полях осевшим слоем, но дневные ручьи пели оптимистические песни, несмотря на то, что ночами ручейки промерзали.

Абсолютно все ждали: вот-вот начнут вскрываться реки, прилетят стаи перелётных гусей, уток и других птиц и принесут с собой надёжную весточку о долгожданном и искренне желаемом тёплом лете.

Располагался в посёлке и машинный парк, где ночью спали лесовозы с полуприцепами с крестовыми сцепками, а также оборудованные будками-кундами грузовики, в которых перевозили лесозаготовителей на делянку на верхний склад – заготовительную разрабатываемую делянку, и на нижний склад – на разделочную площадку и место хранения заготовленной древесины. Надо отметить, что поутру на работу вначале везли мужчин-вальщиков, а на следующем фургоне женщин-сучкорубов, часто исполнявших для поднятия духа различные известные песни: «Катюшу», «Летят перелётные птицы», «Вот кто-то с горочки спустился» и другие подобные ретрохиты, которые часто передавало или ретранслировало местное радио или которые слышали в художественных кинофильмах.

Здесь же, в машинном парке, проживали два бульдозера, используемых главным образом в зимнее время для очистки дорог ото льда и снега. Имелась и ремонтная мастерская со старенькими токарным и сверлильным станками, а также трансформатором для электросварки. Склад запасных частей почти всегда пустовал, и зачастую слесарям-ремонтникам приходилось брать запчасти со старой неисправной активированной техники, которая имела свой угол в машинном парке, или обращаться за помощью в близлежащие организации, у которых

с запчастями имелись подобные проблемы. И из-за отсутствия запасных частей техника могла простаивать в процессе ремонта слишком долго.

* * *

У края машинного парка лесопункта стоял балок в виде бочки, в котором проживал сторож по фамилии Баханов, – любитель оригинально порассуждать. В его непосредственные обязанности входило следить за оставленной на ночное хранение техникой, чтобы никто её не повредил, даже случайно или преднамеренно не разукomплектовал. Зимой Баханов ходил в ватнике, ватных штанах, в высоких валенках и в выкрашенной в коричневый цвет заячьей шапке-ушанке. Жарким летом его гардероб пополнялся зелёным, несколько выцветшим хлопчатобумажным фирменным костюмом – спеcодеждой лесозаготовителя, но ватник он далеко не прятал, а надевал его в ветреную или холодную погоду. От дождя у него имелся много раз продырявленный, чиненый-перечиненый зонтик. В райцентр по собственной инициативе он не ездил. Появлялся там лишь после длительных уговоров добрых знакомых, которым составлял компанию. Всё, что ему нужно, приварили знакомые механизаторы.

В балке имелаcь самодельная печка-буржуйка, которая кипятила чай механизаторам в холодное время года.

Однажды субботним тёмным вечером все рабочие ушли в посёлок по своим домам, а у сторожа в балке остался переночевать оператор челюстного погрузчика – рубаха-парень Микола. Это был приземистый крепкий парень с крупной головой и светло-русой шевелюрой, который за словом в карман никогда не лез. Он всегда ходил в спеcодежде, выдаваемой лесозаготовителям согласно технике безопасности. Считалось, что он проживал в общежитии, но ночевал он зачастую где придётся.

Спозаранку тракторист, как спал – в рабочей спецовке, так и вышел на крыльцо балка справиться нужду. Алая заря поднималась над востоком, обнажая синее небо, скрытое до того ночной темнотой. В то время отдельные островки снега уже не белого, а большей частью сизого ещё томились в лесной чащобе. Природа жадно дышала весной. На зелёном мху, освобождённом от снега, появлялись первые светло-коричневатые сморчки, из которых с пряностями, картошкой, перловкой или вермишелью получался отменный супчик, уносивший в иное измерение даже без ложки белоснежной, пахнущей силосом сметаны. Микола долго наслаждался природой.

У роспуска лесовоза шевелилось нечто буроватое, и тракторист спросонья принял животное за барана.

– Здорово бы отведать свежего шашлыка, – размечтался он сразу, затем порассуждал: – А если отвести его в деревню за несколько вёрст, так хозяин непременно выставит магарыч.

Понимая, что баран никуда не денется, тракторист Микола взглянул влево. Взорвавшееся на дальние кроны бледное солнце испускало тусклые лучи меж стволов ближайших вечнозелёных хвойных деревьев. С правой стороны из серого и салатного мха торчали свежие пеньки, а вдали виднелись клочья слабого лазурного тумана.

Баран что-то проорчал.

Микола тщательно протёр слипшиеся от крепкого ночного сна глаза и увидел в десятке метров от себя вместо каштанового безобидного барашка настоящего мохнатого хозяина тайги – медведя. Тракторист беззвучно, на цыпочках, едва дыша вернулся в балок. Стараясь не шуметь, достал из-под топчана старенькую двустволку с прикладом коньячного цвета, разломил её пополам и вынул из сверкающих чистотой стволов латунные гильзы с мелкой дробью на рябчика.

– Чего тебе надо? – громко спросил проснувшийся сторож, потягиваясь на полосатом матрасе, что находился на правом топчане.

– Имеются у тебя патроны с пулями? – шёпотом спросил Микола.

– Спрашиваю, Микола, чего тебе надо? – вновь спросил хозяин балка ещё громче.

– Рядом с ближним роспуском лесовоза настоящий упитанный медведь крутится, – сверкая заведёнными глазами, потихонечку шептал Микола. – Говори, Бахан, потише, а то косолапый услышит.

– Ну и что с того? – ещё больше повысил голос Баханов, он приподнялся на матрасе и неодобрительно посмотрел на Миколу.

– Вот я и спрашиваю у тебя про пули.

– Пуль нет, есть два патрона с крупной картечью, слева в патронташе, – продолжал говорить громко и встревоженно сторож.

Лихорадочно Микола вставлял найденные патроны в ружейные стволы.

– Тебе всё одно – не убить хозяина тайги, а если вдруг подранишь, так он из тебя хороший фарш сделает, а заодно и из меня.

Снарядив ружье и взведя курки, Микола потихоньку принялся открывать дверь, осторожно вышел на крыльцо, но ни бурого барана, ни урчащего лохматого медведя нигде поблизости не оказалось. А где-то вдалеке, в парме, раздался звонкий хруст сломанной ветви, и тракторист догадался, что косолапый медведь убежал в тайгу на почтительное расстояние.

Хватило у оператора челюстного погрузчика Миколы ума, чтобы не гнаться по лесу с ветхой берданкой за любознательным, умным, сильным и грозным медведем. Он разочарованный вернулся к сторожу в балок:

– Бахан, почему у тебя нет патронов с пулями?

– Как-то поздней осенью летела высоко стая серых гусей и перекликалась. Я прицелился, пульнул, и один гусь как подпрыгнул в строю, затем вновь занял свое место в клине, а я все ждал, что он начнёт пикировать. Не дождался. Тогда, хотя и поздно, лупанул на авось, но вовсе промазал. Наверное, я попал первым выстрелом гусю в крыло или вообще по хвостовому оперению.

– Я знаю, по гусям очень тяжело стрелять – нужны точный расчёт и долгая тренировка. Когда же ты нальёшь пули?

– Привези сюда мне ненужные, отслужившие свой срок аккумуляторные батареи из какого-нибудь автомобильного гаража или от речников/катерников, каких много на Печоре.

– Замётано, обязательно достану тебе свинец.

– Однако будь ласков, Микола, не пали по медведям.

3. Воспоминания отца

О своём прошлом, тяжело вздыхая, стремящийся к точности Михаил Богданович Котенко – отец Петра – рассказывал только с горечью в словах; их семья, как и все односельчане в Черниговской губернии на правобережье Днепра, попала под жестокий голодомор. Когда половина деревеньки уже умерла от голода, его мать, Лукерья Федотовна, уже не могла ходить, а его отец, Богдан Никифорович, то есть дед Петра, уже еле на ногах держался, созрел чрезвычайно опасный, но единственно приемлемый план спасения от голодной смерти Михаила, которому исполнилось тогда всего одиннадцать лет.

Богдан Никифорович отвёл своего сына Михаила до околицы на северном краю деревни и показал на два поста, где находились вооружённые винтовками сытые красноармейцы, которые, согласно приказу свыше, препятствовали выходу населения из деревни вплоть до расстрела на месте. Богдан Никифорович указал участок, где Михаил ночью сможет попытаться просочиться между двух красноармейских постов.

Сын с отцом вернулись в белоснежную залитую горем хату. Богдан Никифорович, не глядя на свои головные боли и головокружения, велел сыну выпить настой овса, затем перевернул гранёный стакан и все замоченные зёрна вывалил в свою широкую натруженную ладонь, из которой пересыпал их в боковой карман тёмно-зелёной, поношенной, местами дырявой куртки Михаила. Так дальновидный дед поступил с последними драгоценными зёрнами, что были у семьи.

Михаил получил от Богдана Никифоровича строгие советы:

– Когда поползёшь, надо постоянно внимательно смотреть на оба поста с горящими ночью кострами и, если окажется, что кто-то из постовых глядит в твою сторону, следует мгновенно замереть и не двигаться. Встать на ноги можно только через версту – за линией постов, а дальше стараться с предельной осторожностью идти на север тропинками, маленькими дорожками и всегда избегать большаков. Деревни, тем более зажиточные, обязательно обходить стороной. Питаться советую в лесу орехами, семечками от шишек хвойных деревьев и съедобными ягодами, ни в коем случае не есть волчьи ягоды и грибы. Тебе, Михаил, обязательно надо всё это преодолеть ради всех нас – ради семьи, ради деревни.

Тёмной беззвёздной и безлунной ночью шелестел листьями деревьев умеренный ветер, помогая отцу, под которым предательски шуршала трава, и чуть потрескивали сломанные соломинки. Но в красноармейских кострах искры улетали в небо, и тоже что-то временами значительно потрескивало. Время преодоления отрезка пути, по которому он осторожно полз попластунски, показалось отцу вечностью: очень не хотелось ему повстречаться ночью с шипящей скользкой гадюкой или иной змеей.

Далее он выполнял безукоризненно наставления Богдана Никифоровича, деда Петра: шёл в лаптях лесами, перелесками, обходил населённые пункты. В лесах и полях крайне опасался повстречать хищников – в первую очередь, наткнуться на логово серых волков, поэтому подобрал себе надёжную палку с заострённым концом, чтобы отбиваться в случае какой-либо напасти.

Убегающий Михаил в жаркий звенящий кузнечиками полдень при безоблачном синем небосводе сидел в густом ивовом кустарнике вблизи полузаросшей травой дорожки. Неожиданно он услышал разговор местных жителей и понял по говору, что дошёл до белорусов. Михаил вздохнул чуть свободнее и делал попытки просить в белорусских селениях еду и кров. Его оставляли ночевать на одну ночь, давали на дорогу кусочек хлеба и желали лёгкого пути: у них самих с едой имелась давняя напряжёнка, да и боялись подвергнуться репрессиям за помощь тому, кто убежал от голодомора.

Михаил и дальше продолжал осторожно продвигаться примерно в направлении севера, ориентируясь по полярной звезде, восходу и закату солнца. Спал чаще всего в поставленных на полях ароматных свежих стогах сена, куда пробирался в сумерках или ночью.

И однажды белорусы подсказали, что тёмной дождливой ночью он сможет сделать попытку перебраться в более сытую страну – Литву, где смог бы устроиться батрачить до лучших времён. Они указали благоприятное место, где необходимо преодолеть небольшую холодную и тёмную речку, у которой чуть выше по течению шумел, сбрасывая воду, добрый величественный водопад.

На берегу лежали два связанных поржавевшей колючей проволокой выкорчеванных пня с торчащими обрубками тёмными корней. Ему помогли спустить их на воду и наказали, чтоб, когда доберётся до литовского берега, не отталкивал их в реку, а подтащил к берегу для того, чтобы этим укрытием смогли воспользоваться другие желающие лучшей жизни перебежчики. Михаил устроился, как учили, – между двух пней. И первоначально, стоя на каменистом дне реки в лаптях, толкал пни к противоположному берегу чуть вверх по течению. Когда же глубина повысилась, он старался подгребать руками без всплесков, затем опять толкал пни к литовскому берегу, где их привязал к прибрежным кустам ивовыми ветками.

Ночью и утром Михаил старался уйти подальше от границы и обсыхал, а днём попросился на хутор, где он тоже никому никаким боком оказался не нужен. Но сострадательная и дальновидная Рута, жена хозяина, видя бедственное положение мальчика при приближении зимы, уговорила хозяйственного мужа, Андриуса Станкявичуса, принять Михаила батраком. Вначале строгий хозяин категорически отказывался, но затем решил взять его за еду. Питался отец не за общим широким столом, а в отведённом сараюшке во дворе возле овина – три раза в день давали по куску хлеба и остатки еды от общего стола – иной раз перепадала тёплая бульба или иные вкусности.

Хозяин хутора обеспечил его летней и зимней одеждой и обувью, что остались от двух повзрослевших сыновей. Тёплая одежда особенно пригодилась в холодные зимние времена.

Отец отработал исправно четыре года и беспрекословно выполнял любую посильную и непосильную работу, не задавал лишних вопросов, ни в чём не прекословил, осознавая, что в ином случае его могут запросто прогнать за ворота, что было бы равноценно гибели. По существу, он был рабом.

Но однажды пасмурным днём в начале осени хозяин хутора с сожалением сообщил, что Михаилом заинтересовался местный полицейский, а это ничего хорошего не сулит ни батраку, ни его хозяину, поэтому настало время прощаться. Андриус тут же запряг бричку и отвёз его на железнодорожную станцию, где договорился со сговорчивым проводником за добрый шмат вкусного сала, что тот увезёт отца в Россию. Проводник объяснил, что Михаил не доедет до одного из древнейших городов России – Пскова – и высаживать ни на какой промежуточной станции его не собираются, а придётся отцу спрыгивать с поезда вскоре после какой-нибудь станции, когда поезд не набрал ещё полный ход.

Перед тем как сигануть с пассажирского поезда, отец получил от жадного проводника ценные указания: куда и как идти, что сказать крестьянам; ему было наказано ни в коем случае никому и никогда даже не заикаться, что он сбежал из сытой Литвы, а тем более от голодомора.

В деревне его пустили только в третью избу, где жила женщина с приветливой дочерью Анной; муж хозяйки скоропостижно скончался весной от странной и неизвестной болезни. Экономная Марьяна, молодая вдова, переживала, что они на зиму остаются без нужного количества дров, поэтому отца впустили и взяли, чтобы тот из ближнего леса приволок валежника для печи на зиму. Отец подлатал развалившуюся старенькую тачку, опробовал её вечером и на следующий день принялся за работу с искренним усердием. Сначала возил недавно упавшие сучья и валежник, а затем с более серьёзными намерениями принялся и за ещё не опавший сухостой.

Деревенским любознательным жителям на их обыденные естественные расспросы Марьяна сообщила о Михаиле, что приехал их навестить и помочь по хозяйству дальний родственник из соседней Новгородской области.

Он, по существу, получил два выходных, когда они втроём один раз пошли за брусникой, а другой раз за клюквой. Перед этими мероприятиями Марьяна основательно покопалась в огромном, обитом железными полосами сундуке и достала оттуда завёрнутую поношенную юбку, старенькую двустолку мужа и потёртый, выдавший виды патронташ с дюжиной снаряжённых патронов. Она объяснила, что он с ружьём станет охранять её с дочерью, однако взяла слово, что тот ни в коем случае не станет палить по лесной живности, поскольку все уголья поделены между местными охотниками, которые могут покарать и за одну только стрельбу.

Уголья безвременно усопшего супруга местные охотники сразу же разделили меж собой, нисколько не спросив мнение вдовы. Она предполагала, что, может быть, в будущем Михаил сможет с кем-нибудь договориться на совместный охотничий промысел, а пока он поможет им безбоязненно набрать ягоды, которые нужны для выживания до следующего урожая.

Михаил спросил Марьяну:

– От кого вас надо охранять?

– Требуется охрана от медведя, волка или от двуногого зверя. Медведь, Миша, сейчас сытый и вряд ли нападёт. Но кто знает, что взбредёт в медвежью башку на данный момент... Если будет опасность со стороны медведя, по нему не стреляй, а то подраненный он может бед натворить неопишемых. Надо стрелять только в воздух – отпугивать его выстрелами. Если же он идёт на тебя и никуда не деться, стреляй прицельно по глазам или падай и притворись неживым – падалью. По волкам, которые сейчас тоже в основном сытые, можно пулянуть для острастки и желательно попасть хоть дробинкой, чтоб они почувствовали, что с ними не шутки шутят, а поджидает их здесь гибель. А с двуногим зверьём надо быть особенно осторожным – нужно кричать ему, чтобы не подходил близко, а шёл бы подальше своей дорогой. Беда в том, что эта зверюга может оказаться вооружённой, например револьвером, это надо обязательно учитывать. Всё теперь тебе понятно?

– Много ли двуногого зверья встречается в ваших благодатных краях?

– Немного, но иногда встречаются. Если сообщат о таком звере нашим охотникам, они цепью прочёсывают леса и стараются уничтожить гадюку, которая создаёт опасности для существования местных жителей.

– Значит, по такому надо лупить на поражение.

– Если ты уверен, что это настоящая зверюга. А то может оказаться, что кто-то из соседней деревеньки просто заблудился – леший его закружил. Такому крестьянину надо указать выход на дорогу до его родной деревушки.

– Теперь, Марьяна, всё становится окончательно понятным.

– Есть ещё один совет на этот случай – надо прочистить стволы с обильной долей оружейной смазки. И, кроме того, помазать немного этой смазкой патронташ, чтобы звери издавна почуяли неблагоприятный для них запах и остереглись подходить близко.

– Хорошо, так я и сделаю, – пообещал новый охранник.

Марьяна спросила проживающего в её избе молодого человека невзначай и с ноткой иронии в голосе:

– А ты, Мишенька, пулять-то из ружьишка-то умеешь ли?

Он абсолютно твёрдо ответил:

– Дурное дело – не хитрое.

* * *

На самом деле, Михаил до этого момента никогда даже не держал в руках огнестрельного оружия, но хорошо ему запомнилось, как на второй осени своего пребывания батраком он видел охотничьи учения. В тот день оба сына и отец Андриус, все одетые в зелёные, недавно пошитые специальные охотничьи костюмы, стояли посреди двора хутора. У всех троих в руках сверкали от солнечных лучей ружья и металлические головки с капсюлями в кожаных зелёных патронташах. Михаил отлично видел, как Андриус обучал владению ружьём своих сыновей-погодков – серьёзного Антанаса и бесшабашного Юргиса, – которые в то время получали образование в крупнейшем городе Литвы на разных курсах Вильнюсского университета. Отец с сыновьями стояли посреди двора хутора, а над ними перед надвигающейся осенней стужей проплывали многоголовые гусиные стаи. Птицы в этих стаях частенько кричали что-то друг другу. Именно по ним опытный охотник Андриус учил стрелять своих сыновей:

«Крепко уприте приклад в своё плечо, соединяйте мушку с прицельной планкой так, чтобы центр птицы оказался на мушке, затем ведите ствол ружья по прямой линии полёта птицы и дайте упреждение в пять фигур, далее, затаив дыхание, медленно, плавно нажимайте на спусковой крючок и при этом ведите стволом ружья в соответствии с упреждением и полётом выбранной для выстрела птицы».

Громыхнули два одиночных выстрела из обоих ружей, но подбитым оказался один серый гусь, который кубарем полетел на землю. Андриус похвалил Антанаса и сказал Юргису, чтобы тот как можно крепче держал цевьё ружья и как бы сливался с оружием в одно целое.

* * *

Успешно прошли и первое, и второе его охранное сопровождение ягодниц; ружьё тогда не пригодилось. После данных мероприятий Михаил спросил Марьяну:

– А если стрельнуть серого гуся из твоего крестьянского двора?

– Попробуй, Мишенька, пульни, – ответила вдова с надеждой в надтреснутом голосе и кивнула головой в знак полного согласия.

Он перерыл весь патронташ и нашёл только один-единственный заряженный пулей патрон. Поэтому, когда солнечным днём по голубому небосводу с белыми облаками летели гусиные стаи стороной, он долго и тщательно прицеливался, пропуская одну стаю за другой – примерялся. Так продолжалась до той поры, пока очередная стая серых гусей не полетела прямо над ним. Он опять тщательно прицелился и выстрелил. Один гусь забарахтался в воздухе. Но не тот, в какого целился новоявленный охотник. Михаил посмотрел на медленно падающего гуся, вновь прицелился со всей тщательностью и добавил заряд средней картечи по подраненному гусю, после чего тот камнем рухнул на ещё зелёную траву. За подстреленным гусем быстренько сбегала Анна, и счастье надолго озарило дотоле хмурое лицо Марьяны.

Мясо гуся пришлось кстати изголодавшейся семье, поэтому внутрисемейный статус Михаила значительно повысился.

Несколько позже она передала Михаилу, что местные охотники уважительно и с пониманием отнеслись к метким выстрелам её дальнего родственника. И один из них высказался, что даже, может, возьмёт его с собой на охоту в зимний период.

Он помог утеплить избу принесённым из леса мхом и прижился в семье.

При этом он с прежним энтузиазмом впрягся в заготовку древесины. Да так, что ко дню Покрова дрова для русской печки в избе оказались запасёнными в необходимом количестве, но он и по второму снежку продолжал заготовку древесины на будущее.

Отец вспоминал, что в довоенное время с середины лета, когда начинали идти грибы, и до глубокой осени каждый божий день они питались этими самыми грибами.

Для их зимней заготовки они ездили в лес – брали в аренду на полдня лошадь с телегой, заезжали в лес, собирали грибы в корзинки, затем высыпали их на телегу, обрамлённую досками. Этот «короб» наполняли полностью и даже с верхом, после чего отправлялись домой, где двое суток мыли, чистили, варили грибы и солили их в бочках.

Грибов с картошкой с придомового огорода при умеренном потреблении хватало до следующего урожая. Хранили соленья в надёжном погребе – тогда и не подозревали о существовании холодильников.

Заготавливали и сушёные грибы, но в меньшем количестве: печь ради их засушки специально не топили, а солнечной жары хватало лишь для того, чтобы просушить тонко нарезанные пластинки, из которых при их нахождении на улице большая часть аромата и полезных веществ выветривалась.

После того Михаил трижды достойно и хладнокровно проявил себя на зимней охоте. На третьей охоте им удалось подстрелить сохатого. Как хозяин угодий, обаятельный Тимофей взял себе голову с рогами, все нижние части ног, шкуру и туловище. Михаилу он отдал одну переднюю ногу и одну заднюю. Марьяна очень обрадовалась такому сногшибательному пополнению продовольственных припасов.

Тимофей – охотник, который брал его с собой в собственные угодья, – предложил остальным деревенским охотникам вернуть Михаилу земли, некогда принадлежавшие умершему супругу Марьяны. Общий сход охотников всей деревни одобрил эту важную идею, и Михаилу отдали почти все прежние угодья безвременно ушедшего охотника.

Из-за того, что с порохом и дробью были значительные проблемы, он стал специализироваться на силках и ловушках. Иногда удача улыбалась, и Михаил приносил в дом Марьяны то рябчика, то зайчика. Среди деревенских жителей он, хотя и считался самым молодым охотником, но прослыл фартовым. Из заячьих шкурок Анна с матерью шили шапки-ушанки, тёплые рукавицы, стельки в валенки и другую обувь. Семья Марьяны постепенно вставала на ноги благодаря Михаилу.

* * *

«Во второй день войны, – вспоминал Михаил Богданович, – замолчали чёрные круглые репродукторы, потому что бомбы с фашистских самолётов завалили телеграфные столбы с проводами радиотрансляции. Круглые чёрные конусы располагались в каждой избе. Начиналась трансляция каждое утро в шесть часов гимном и продолжалась до полуночи также заканчиваясь гимном. Данный репродуктор имел гораздо большее значение, чем телевизор в ХХI веке, – он передавал новости страны и зарубежья, освещал трудовые подвиги стахановцев, заглазовцев, гагановцев и многих других передовиков производства.

Репродуктор передавал вести с полей и вещал о производственных успехах конкретных лиц на фабриках и заводах. Из репродуктора люди слышали пение хоров, а также многие известные песни из художественных кинофильмов. Тексты шлягеров записывали на бумагу и пели в домашней обстановке, на работе и на праздниках. Самыми знаменитыми считались «Валенки», «Вот кто-то с горочки спустился» и, конечно, «Катюша». Все хорошо знали слова марша танкистов: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». И в одно мгновение информационное и музыкальное обеспечение псковской деревни полностью оборвалось – радиотрансляция прекратилась на годы.

На третий день войны в деревеньку приехал чахлый на вид представитель районного военкомата с двумя пустыми подводами, на которые усадил всех мужчин моложе сорока пяти

лет и, поскольку место оставалось, посадил и трёх девиц за восемнадцать лет, обещая, что их выучат санитарками.

Марьяна наврала, что Михаилу только исполнилось семнадцать, – роста он был ниже среднего, а из-под ветхой одежды мускулатура не пробивалась. Военный комиссар строго поглядел на отца, просверлил его всепроникающим взглядом и пообещал заехать за ним через год. Деревенский голова – председатель колхоза – запряг единственную в деревне лошадь, посадил в телегу жену с дочерью и поехал вослед подводам с деревенскими призывниками – у них только у троих из всей деревни имелись настоящие государственные паспорта. Больше в деревне ничего не слыхали ни о ком из этого обоза.

Как шла война в деревне, никто никаким боком не знал и не ведал – здесь не проходили ни наши войска, ни немецкие.

Где-то через месяц после начала войны мотоцикл с коляской привёз двух сытых гитлеровцев в плащах, касках и с чёрными автоматами. Мотоцикл остановился на маленькой площадке у главного здания деревни – лабаз. Грузный фашист с не в меру упитанным лицом и телом выкарабкался из коляски мотоцикла, поднялся по трём истоптанным ступеням на крыльцо деревенского магазина, отодрал красный флаг от стены, сломал о колено древко, разорвал руками полотнище и бросил на землю. Затем оба фашиста зашли в лабаз, а там, кроме гвоздей, скоб, хомутов и металлических колец для кадок, почти ничего не оказалось. Не сказав никому ни слова, фашисты сели на мотоцикл и уехали дальше.

Где-то ещё через месяц два мотоцикла привезли фашистского офицера и переводчика в чёрной форме с белой повязкой на правом рукаве. Офицер указал пальцем на первого попавшегося плешивого старика, переводчик подозвал его и сказал, что его назначили старостой деревни и потребовал снять кепку перед фашистским офицером, если не хочет получить немедленно пулю между глаз. Затем как-то раз в полгода нацисты с переводчиком навещались и заставляли старосту снимать шапку перед гитлеровскими офицерами. При этом с назначенного старосты и с остальных жителей оккупированной деревушки абсолютно ничего не спрашивали.

Когда войска Красной армии освободили местность от нацистов, в деревню пришёл партизанский отряд, о котором прежде в деревне и слухом не слыхивали. Партизан сразу не взяли в состав действующей Красной армии, а отправили на перепроверку и переформирование в тыл к особистам – контрразведчикам. Хмурый партизанский комиссар с бледным лицом, одетый в ватную одежду, строгим тоном спросил деревенского старосту:

– Ты снимал шапку перед фашистами?

– Да, – признался староста, радуясь освободителям.

– Повесить, – распорядился своим бойцам безапелляционным тоном и с металлом в голосе комиссар.

Деревенские жители, в первую очередь женщины, пытались сумбурно доказывать невиновность старика. Но их стенания, крики, слёзы, мольбы нисколько не подействовали – ничего не помогло. У комиссара имелось много своих очень важных неотложных дел, он ничего не хотел слушать и лишь прикрикивал на деревенских страдалец и угрожал им. Старика безо всякого суда и разбирательства достаточно быстро и профессионально повесили на нижний сук могучего раскидистого трёхсотлетнего дуба, а на грудь привязали табличку: «Фашистский прихвостень».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.